

«В «Северухе» когда-то написано было. Двенадцать километров мы сдвигали. Там колдунов было много. Один колдун мужчине тоже колдуном назвал. Дак судились. «Северуха» писала, что сначала штраф десять рублей, потом сто, потом двести, триста и год могут дать. Мужики-то, колдуны судились»¹⁸.

Таким образом, анализ текстов различных жанров народной сказочной прозы Чердынского района показывает, что и сегодня происходит процесс их естественного развития. Движение жанров осуществляется как за счет утраты ряда традиционных для Урала сюжетов, так и за счет широкого введения в сказочную прозу современных реалий.

Н. А. КРИНИЧНАЯ
Карельский филиал АН СССР

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДАНИЯ О СИЛАЧАХ-РАБОЧИХ

Крестьянские предания о рабочих — одно из проявлений сложных и неоднозначных связей между фольклорными традициями, различными по времени формирования и социальной принадлежности их носителей.

Эти предания могут быть рассмотрены в следующих аспектах: как своего рода предвестник становления собственно рабочего фольклора; как очередная «веха» в общем фольклорном процессе; как выражение преемственности между предшествующей и последующей традициями; как реализация взаимодействия крестьянского и рабочего фольклора, осуществляемая на синхронном уровне.

При изучении данного материала со всей очевидностью обнаруживается, что прообразы персонажей, стереотипы коллизий, развившихся в рабочем фольклоре, зарождались и вызревали в недрах крестьянской традиции, пока количественное накопление новых элементов не дало толчок к становлению качественно иного явления.

В крестьянской традиции сформировались, к примеру, образы народных умельцев и силачей, таких, скажем, как плотник, который даже царю не отвечает на приветствие, пока не дотешет брус, либо рубит поотмашь топором между царскими перстами, положенными на тесину, демонстрируя зоркость глаза и меткость удара¹; или кузнец, который в ответ на сломанную Петром Первым только что сработанную им подкову гнет царский золотой², и т. д. В крестьянском фольклоре формируются и определенные коллизии, обусловленные ранними конфликтами между заводчиками и работ-

¹⁸ Записано К. Шумовым, О. Гордеевой, Н. Субботиной в с. Пянтег от А. Д. Черных (1911).

¹ Арх. Карел. фил. АН СССР (АКФ), Кол. 79. № 1071.

² См.: Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)/Подгот. изд. Н. А. Криничной. А., 1978. № 193. С. 135—136. 217.

ными людьми. В качестве примера может быть упомянуто заонежское предание об одном из владельцев железоделательных заводов в Карелии — Бутенанте (конец XVII в.), записанное от известного сказителя В. П. Щеголенка: «Мужики работают у этого Бутмана зиму и лето, с год на круг; зимой возят уголь, руду; летом уголь жгут и руду сдывают и рыбу ловят, и озеро тут над верхом, над заводом — Усть-река»³. (Заметим, что в данном произведении конфликт рабочих людей с заводчиком выражен через столкновение идеализированного царя Петра Первого с «Бутманом»). Интересно, что вариант этого предания записан нами в Заонежье в начале 70-х гг.⁴

В изображении нового персонажа — рабочего в крестьянских преданиях обнаруживаются две тенденции. С одной стороны, происходит приспособление традиционных средств для изображения конкретной ситуации и конкретного индивида, автономизация которого, как известно, происходит лишь в эпоху господства капиталистических отношений. И этим обстоятельством отчасти обуславливаются различного рода трансформации и модификации традиционных сюжетов, мотивов, элементов в системе новых произведений.

С другой стороны, наблюдается вытеснение и замена традиционных компонентов всевозможными реалиями, соответствующими конкретным деяниям и личным качествам прототипа того либо иного фольклорного персонажа. Однако надо учитывать, что доступ реальных фактов в структуру мотива ограничивается определенными возможностями формы, допускающей наполнение ее новым содержанием лишь до известных пределов. В этом утверждении мы исходим из следующих общих посылок: форма обладает относительной самостоятельностью, тем более в такой архаической культуре, как фольклор, устойчивость формы обеспечивает поступательное развитие содержания, в то же время форма, в силу своей устойчивости и консервативности, изменяется вслед за содержанием. В связи с этим следует констатировать, что насыщенность традиционного мотива (сюжета) реалиями влечет за собой его качественное перерождение, вплоть до «растворения» его в реалистическом повествовании на историческую, бытовую либо производственную тематику.

Высказанные положения могут быть проиллюстрированы конкретными примерами. С этой целью обратимся к крестьянским преданиям об архангелогородском рабочем и цирковом бойце Иване Лобанове, которые представляют собой определенное единство. В настоящее время они бытуют на Русском Севере, а именно в Карельском Поморье, в Архангельской и Вологодской областях.

Этот цикл был открыт и зафиксирован в полевых условиях

³ См.: Северные предания... № 171. С. 124.

⁴ Там же. № 181. С. 130—131.

автором статьи совместно с писателем В. И. Пулькиным. Частично он опубликован в сборнике «Северные предания»⁵.

При выборе именно этого цикла для рассмотрения в русле поставленной проблемы немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что здесь нам, помимо всего прочего, представилась чрезвычайно редкая возможность сопоставить фольклорные произведения, связанные с именем Ивана Лобанова, с реальными фактами из жизни прототипа названного персонажа. Недавно автору этих строк удалось обнаружить документальные материалы⁶, подробно раскрывающие биографию легендарного северно-русского силача-рабочего, что позволит выявить некоторые особенности интересующего нас фольклорного процесса.

Выяснилось, что прототип героя указанных преданий — Иван Григорьевич Лобанов — родился в 1879 г. на Вологодчине. В начале века он прибыл на плоты по Северной Двине на заработки в Архангельск и поступил на лесопильный завод в рабочем поселке Маймакса, который ныне находится в черте города. Уже в качестве рабочего Иван Лобанов прославился своей необыкновенной силой.

В 1909 г., когда в Архангельске, в цирке Франца Изако, проходил международный чемпионат по французской борьбе, Иван Лобанов выступил «вне чемпионата» в вольной русско-швейцарской борьбе на поясах и, не зная приемов, в течение месяца положил на лопатки одного за другим едва ли не всех чемпионов с мировым именем. Этот успех предопределил дальнейшую судьбу Ивана Лобанова: он становится цирковым борцом. Однако хищническая эксплуатация его силы приводит к трагическому исходу. Незадолго до окончания чемпионата по французской борьбе, который проходил в 1912 г. снова в Архангельске, вскоре после победы над известным японским борцом Саракики, Иван Лобанов, обладавший недюжинным здоровьем, в возрасте 33 лет внезапно умирает.

Как сообщила тогда газета «Архангельские губернские ведомости», «покойный пользовался большой популярностью и симпатиями рабочего класса»⁷. И действительно, все выступления Ивана Лобанова проходили в переполненном в основном из-за рабочих цирке. В день бенефиса ему была послана телеграмма за подписью: «Рабочие-архангелогородцы»⁸. Они же провожали своего любимца и в последний путь — на Кузнецовское кладбище⁹.

Итак, располагая документальными и фольклорными материалами об Иване Лобанове, мы легко можем определить те «ножни-

⁵ См.: Северные предания... № 82. С. 65, 76—77, 79—80. Неопубликованные тексты см.: АКФ. Кол. 128. № 21, 31, 36, 42, 81, 86, 92, 122, 124; Кол. 134. № 27, 40, 146; Фонотека Ин-та яз., лит. и ист. Карел. фин. ЛН СССР. 1373/2; 1374/1. 2; 1621/6, 19 (далее — фонотека).

⁶ См.: Архангельск. 1909. № 206—219; Там же. 1912. № 205—249; Арханг. губерн. ведомости. 1912. № 177, 229.

⁷ Арханг. губерн. ведомости. 1912. № 229.

⁸ Архангельск. 1912. 11 окт.

⁹ Там же. 25 окт.

цы», которые существуют между стереотипом фольклорного персонажа, его конкретной реализацией и прототипом последней. причем стереотип выявляется при рассмотрении образов силачей, к типологическому ряду которых относится интересующий нас персонаж; конкретной реализацией служит фольклорный образ Ивана Лобанова, а прототипом — реальный Иван Лобанов. Все это поможет выяснить, как соотносится данный персонаж с предшествующей традицией и вписывается в бытующую, какими средствами осуществляется изображение рабочего в крестьянских преданиях.

Обратимся к рассмотрению данного фольклорного образа. При описании внешности Ивана Лобанова используются средства, берущие свое начало в архаической традиции и связанные в первую очередь с изображением эпического героя (вождя, первопоселенца, предка-родоначальника). Так, описывая внешность Ивана Лобанова, рассказчики сообщают: «Здоровенный такой был: на печи лежит — ноги на полатах»¹⁰. Особенно ощутима гиперболизация при описании ширины плеч севернорусского силача: «крыльца-плечи» у Ивана Лобанова, согласно преданиям, «два метра» либо «в косяую сажень» (2, 3 м)¹¹. На самом же деле примерно таким был рост прототипа данного персонажа (сведения о его росте колеблются от 210 до 230 см). Здесь мы имеем случай убедиться, что данная форма, сложившаяся в недрах традиции, используется в поздних преданиях под влиянием конкретных фактов и в какой-то мере скорректирована ими.

Является данью традиции и упоминание о том, что Иван Лобанов, равно как и другой северно-русский силач-рабочий, Александр Васильевич Савин, — «двухсердечник»¹². Последняя деталь, взятая в совокупности с другими, может быть интерпретирована как одно из неотъемлемых свойств, которыми наделяется подлинный силач, что особенно очевидно при рассмотрении ее в системе более архаических традиций, например эвенкийской: «Посмотрим, что он за силач. И разрезали его — у него два сердца»¹³. На самом же деле при анатомическом вскрытии тела покойного Ивана Лобанова обнаружилось одно-единственное, но сильно увеличенное сердце¹⁴, что отчасти и послужило причиной его смерти.

В структуру образа Ивана Лобанова вовлекаются и другие элементы, которые, будучи традиционными по своему происхождению, никак не соотносятся с реальными фактами. Речь идет о сестре Ивана Лобанова, устойчиво изображаемой в преданиях наряду с центральным персонажем. Сущность этого женского персонажа идентична природе самого героя: «И у него была сестра — такая

¹⁰ Северные предания... № 94. С. 77.

¹¹ АКФ. Кол. 8. № 35; Кол. 128. № 122.

¹² АКФ. Кол. 128. № 122.

¹³ Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания/Запись текстов, пер. и коммент. Г. М. Васильевич. М.: Л., 1966. С. 310.

¹⁴ См.: Архангельск. 1912. № 240.

же, как он»¹⁵. Основное их качество — необыкновенная физическая сила: «Сестра у него — такая же сильная»¹⁶. При этом чаще сообщается, что сестра по своей физической силе превосходит брата: «У него сестра еще здоровей была»¹⁷; «Сестра была здоровше его»¹⁸; «Она еще сильнее брата была»¹⁹; «Она была здорова, еще здоровше была брата, Ивана Лобанова»²⁰.

Характер их взаимоотношений определяется в преданиях не только родственными связями, но и, согласно некоторым из вариантов, брачными узами (фактически инцестом), что приобретает здесь бытовую мотивировку: «По ней парня не было. Разрешили им жениться — брату да сестре»²¹.

Данные персонажи идентичны и по своим функциям: они выносят на себе из лесу огромные деревья; борются в цирке с чужеземными борцами и т. д. Согласно косвенным сведениям, предания об Иване Лобанове, включающие в себя первый из указанных мотивов, поныне бытуют не только в крестьянской, но и в рабочей среде. Так, на городской выставке работ самодельных художников, посвященной 400-летию города Архангельска, экспонировалась большая картина под названием «Непобеденный богатырь города Архангельска Иван Лобанов». Самодельный живописец, работающий на лесопильно-деревообрабатывающем комбинате (и это опять-таки показательно), написал не только портрет Ивана Лобанова, но и эпизоды его «фольклорной» биографии, изобразив, в частности, как северно-русский силач и его сестра выносят на себе огромные бревна из лесу. (Попутно заметим, что в данной статье мы оперируем лишь косвенными и фрагментарными сведениями о рабочем фольклоре, связанном с именем Ивана Лобанова: фронтальное его собирание и изучение планируются нами в ближайшей перспективе).

Адекватность данных персонажей обнаруживается и в их безвременной трагической гибели при сходных либо, наоборот, при различных обстоятельствах.

Несмотря на трансформацию преданий об Иване Лобанове и его сестре в сторону усиления бытового характера содержания, в самой форме повествования, на наш взгляд, угадывается некая архаическая модель, напоминающая «...миф о первых людях — брате и сестре, из которых активным и ведущим персонажем является старшая сестра»²². Можно предположить, что в своем трансформированном виде подобный миф пульсирует подчас и в развитой традиции, примером чему, вероятно, служат предания об Иване Лоба-

¹⁵ АКФ. Кол. 128. № 86.

¹⁶ АКФ. Кол. 135. № 77.

¹⁷ Северные предания... № 95. С. 77.

¹⁸ Там же. № 101. С. 79.

¹⁹ АКФ. Кол. 128. № 81.

²⁰ АКФ. № 42. Фонотека. 1374/2.

²¹ Северные предания... № 101. С. 79.

²² Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963. С. 61.

пове. Быть может, стимулом для появления женского «двоинника» Ивана Лобанова в известной мере послужило то реальное обстоятельство, что вслед за мужским чемпионатом французской борьбы, на котором выступал Иван Лобанов, состоялся такого же рода «дамский чемпионат»²³?

Однако сущность персонажа раскрывается в первую очередь в его функциях. Одной из самых устойчивых в крестьянских преданиях является следующая: Иван Лобанов на себе выносит из леса двадцатиметровые бревна²⁴, оказываясь тем самым в одном типологическом ряду с эническим героем Рахтой Рагнозерским.

Интересно отметить, что подобная функция, соотнесенная первоначально с силачом-крестьянином, в своем трансформированном виде приписывается и силачу-рабочему: «Был в Архангельске Ванька Лобанов — его силы сперва не знали. Работал он на заводе его стали подзадоривать, так он за пятерых доски носил!»²⁵

В воспоминаниях же бывших портовых грузчиков, работавших в свое время вместе с Иваном Лобановым, данная функция приобретает, благодаря привлечению множества дополнительных реалий, известную конкретизацию, что сказывается и на самоопределении личности в фольклоре, сдерживаемом в какой-то мере господствующей традицией. Например: «Бревна на пароход подавались ношами. Пять нош укладывала вся артель, а шестую — Иван. Он никогда не брал в руки аншпуга, любое бревно обхватывал руками и клал его как обыкновенный дровяной кряж»²⁶. Или: «Нанялся работать он на погрузке леса. Хозяин выдавал Ивану за силу и усердие рубль каждый день, кроме заработка»²⁷.

Другой же своей функцией интересующий нас персонаж еще более отчуждается от крестьянского «контекста», причем даже в рамках крестьянских преданий о рабочих: «А раньше на заводе Ваня работал, так там свою силу и показал: взял свою и унес, а свая-то тридцать два пуда...»²⁸ В других вариантах предания он уносит уже сорокапудовую бабу, которой забивали сваи, когда строили наплавной мост через Кузнечиху в Архангельске²⁹.

В преданиях же, рассказанных рабочими, современниками Ивана Лобанова, аналогичная коллизия обрастает реалистическими элементами, призванными в первую очередь трансформировать гиперболизацию силы героя: «Однажды кто-то из нас подзадорил Лобанова, шутки ради, поднять копровую бабу. — «Уж больно тяжела», — ответил Иван. Но, взяв ее за скобу, волоком дотащил до речки и толкнул в воду. А в «гирьке» той было без малого тридцать пудов весу...»³⁰.

²³ См.: Архангельск. 1912. № 240.

²⁴ См.: Северные предания... № 101. С. 79—80.

²⁵ Там же. № 101. С. 79.

²⁶ Зашихин П. Северный богатырь//Сталинец. 1959. № 146.

²⁷ Долгобородов В. Северный богатырь//Моряк Севера. 1957. № 15.

²⁸ Северные предания... № 94. С. 77.

²⁹ АКФ. Кол. 128. № 31, 81; Кол. 134. № 27; Фонотека. 1374/1; 1621/6.

³⁰ Долгобородов В. Северный богатырь. С. 17,

Однако в процессе длительного бытования и реалистические элементы становятся в какой-то мере традиционными, во всяком случае в рамках определенной локальной традиции. Благодаря подобным элементам, включенным в систему рассматриваемого мотива (типа упоминания о работе на лесопильном заводе либо строительства наплавного моста в Архангельске), предания об Иване Лобанове легко узнаваемы. При отсутствии этих реалий и наличии других данный мотив соотносится с иными персонажами, о чем свидетельствуют хотя бы уральские горнозаводские предания, где силач (названный по имени либо безымянный) уносит такого же веса тяжесть (лом, рельсу, якорь, железо и пр.)³¹.

Наиболее характерной, приписываемой именно Ивану Лобанову, является следующая функция: Иван удерживает за трос уходящий пароход и останавливает его³². Так данная коллизия представлена в крестьянской традиции. В рабочей же среде этот сюжет обрывает специфическими деталями: пароходик этот назван «маркарой» (по имени его владельца — архангельского купца Макарова); Иван Лобанов удерживает пароход иным способом: находясь на нем, он обхватывает рукой тумбу на пристани; изображена реакция капитана, матроса и пассажиров на проделку силача³³. Усиливающееся наполнение мотивов различного рода реалиями неизбежно влечет за собой преодоление крестьянской традиции и «размывание» традиционной формы.

В этом отношении особенно показателен мотив единоборства героя с противником, претерпевший в системе преданий об Иване Лобанове определенную эволюцию. С одной стороны, в этом мотиве ощутимо влияние модели, сложившейся в эпической традиции: богатырь вступает в поединок с иноземным борцом — «нахвальщиком». С другой стороны, традиционная форма здесь преодолевается по мере наполнения ее конкретным содержанием: не эпический герой, а рабочий (так его называли и в цирковых афишах) Иван Лобанов, в сущности, не владеющий техникой борьбы³⁴, борется на арене цирка с реальными противниками; однако все еще по традиции в поле зрения рассказчиков оказываются в первую очередь борцы иноземные: «Чемпиона Турции Абулата Кизикели поборол... Там Сандаров был, Черная Маска: под маской дрался. А когда его положили, он маску снял...»³⁵. Действительно, Иван Лобанов побеждал и борца Черную Маску, и чемпиона Европы Иосифа Кейзера, и известного японского борца Саракики, и Мак-Кормика из Америки, и Постака из Эстляндии, и многих других борцов с мировым именем — «своих» и «чужих».

³¹ См.: Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. С. 116.

³² АКФ. Кол. 128. № 92; Кол. 134. № 29; Фонотека 1621/8.

³³ См.: Долгобородов В. Северный богатырь.

³⁴ См.: Северные предания... № 94. С. 77; № 101. С. 80; АКФ. Кол. 128. № 81; Кол. 135. № 77.

³⁵ АКФ. Кол. 135. № 94. С. 77.

Традиционная форма в известной степени накладывается и на повествование о гибели Ивана Лобанова, само по себе довольно реалистическое. В соответствии с действительностью в преданиях упоминается, что Лобанов умирает совсем молодым, что смерть наступает после одной из побед над иноземным борцом. Однако мотивировка гибели Ивана Лобанова дана в традиционной фольклорной интерпретации. Подобно герою исторической песни «Скопин-Шуйский», Иван Лобанов во всех вариантах преданий умирает от отравления: «Приезжали из Америки борцы. Он неученый был, а силой их победил. Обидел он их своей победой — они его и отравили»³⁶.

Таким образом, в изображении Ивана Лобанова в крестьянских преданиях с достаточной определенностью проявляются мифологические, эпические и реалистические элементы. Пропорция их неодинакова в различных реализациях данного образа. Но тенденция к преодолению мифологических, эпических элементов и нарастанию реалистических тенденций в системе образа обозначена довольно отчетливо. Она служит прологом к своего рода «стыковке» крестьянских преданий о рабочих с собственно рабочим фольклором.

И. Ю. КАРТАШЕВА
Челябинский университет

УРАЛЬСКИЕ ПЕСНИ О ПРОЗВИЩАХ И ИХ СВЯЗЬ С ОБЩЕРУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

В уральской песенной традиции выделяется группа песен, которую мы условно называем песнями о прозвищах¹. Песни эти либо представляют собой перечень множества прозвищ, либо строятся на обыгрывании одного-двух из них. Именно прозвища (во всем многообразии своих структурных проявлений) являются исходным материалом, из которого складываются подобные произведения.

Представляется возможным связать происхождение песен о прозвищах с одним из типов эпических «запевов» и «исходов». Пудожский певец Прохоров, от которого А. Ф. Гильфердинг записал былин о Соловье Будимировиче, начал ее следующим образом:

А мхи были болота в поморской стороне,
А гольная щеля в Бели-озери,
А с... сарафаны по Моши по реки,
До рострубисы становицы в Каргополи,
Да тут темныя леса что смоленские...²

³⁶ АКФ. Кол. 128. № 81.

¹ В общих чертах эта песенная разновидность была рассмотрена нами ранее. См.: Кругляшова В. П., Карташева И. Ю. Из истории русского фольклора // Фольклор и историческая действительность. Свердловск, 1980. С. 105–112.

² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. СПб., 1884. Т. 1. С. 394.